

Потомки просветителя

В семейной жизни я был счастлив и в жене, и в детях моих.

И. Я. Яковлев

Великий просветитель И. Я. Яковлев был человеком большого семейного счастья, оставившим талантливейшее потомство. Он женился в октябре 1877 г. на воспитаннице Н. И. Ильминского Екатерине Алексеевне Бобровниковой (1861—1936), обучавшейся тогда в Казанской женской гимназии. Ее отец А. А. Бобровников (1821—1865) учился вместе с Н. И. Ильминским в Казанской духовной академии, затем вместе же работали преподавателями в той же академии, а позднее служили в Оренбургской пограничной комиссии.

А. А. Бобровников составил первую «Калмыцкую грамматику», за что получил Демидовскую премию (1850 г.). Во время службы в Оренбурге он умер, оставил жену, двух дочерей и двух сыновей без всяких средств на существование. На помощь бедствовавшей семье пришел Н. И. Ильминский, верный друг А. А. Бобровникова. Всех он выписал к себе в Казань. У него жили: жена А. А. Бобровникова Наталья Моисеевна, сыновья Николай, Александр и будущая жена И. Я. Яковлева Екатерина, а другая дочь Клавдия жила в семье профессора Казанской духовной академии И. Я. Порфирьева. У Н. И. Ильминского не было собственных детей. Так, четырехлетняя Екатерина Бобровникова с 1865 по 1877 гг. воспитывалась в чужой семье, выдавшей ее замуж за И. Я. Яковлева. По его словам, «Ильминский дал ей порядочное домашнее воспитание (до поступления в гимназию). К ней ходили учительницы-немки, так что она довольно хорошо говорила по-немецки, что пригодилось нам во время заграничных моих с ней путешествий. По-французски же она объясняется плохо»¹.

¹ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 452.

Гимназию с педагогическими классами Е. А. Яковлева окончила после замужества. Ее педагогическая деятельность началась в Симбирской чувашской школе 29 сентября 1878 г. и продолжалась до 5 апреля 1922 г. Она принимала активное участие в организации в ней женского отделения, первоначально преподавала в нем бесплатно в течение трех лет все предметы. Кроме того, она постоянно обучала учениц рукоделию: вязанию, шитью, вышиванию. «За рукоделие и учительские работы женское отделение, во главе которого стояла Екатерина Алексеевна, получало почетные награды на выставках — дважды в Казани, дважды в Симбирске и на Нижегородской Всероссийской выставке»¹. За многолетнюю усердную педагогическую деятельность ее наградили золотой медалью. По словам И. Я. Яковлева, «она стремилась не только дать ученицам надлежащую педагогическую подготовку, но и воспитать из них примерных жен и матерей»². Несомненно, в этом ей помогал И. Я. Яковлев. Они вместе проводили учебно-воспитательные мероприятия, особенно по результатам педагогической практики. Их старший сын Алексей Иванович оставил такую запись в своем дневнике: «20 января 1895 г. вечером папа и мама были на разборе ученических заметок по педагогике в школе»³.

По рассказам воспитанниц Симбирской чувашской школы, Е. А. Яковлева обладала исключительно большим педагогическим талантом, умело организовала детский коллектив и чутко руководила им. В ее классах царила атмосфера семьи, а воспитанницы считали ее второй мамой. По окончании школы они приглашали ее на свои свадьбы. Бедным воспитанницам она оказывала и материальную помощь, а некоторых даже трудоустраивала в своей семье, чтобы имели возможность окончить школу и получить звание учителя. Симбирская чувашская школа, где учащиеся жили и обучались в условиях интерната, нуждалась в таких чутких педагогах,

¹ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 454

² ЦГА ЧР. Ф. 207. Оп. 1. Д. 11. Л. 11 (публикуется впервые).

³ ЦГАЧР. Ф. 515. Оп. 1. Д. 385. Л. 51.

какой являлась Екатерина Алексеевна. Конечно, и своих детей она воспитывала в таком же духе — быть преданным своей профессии и народу.

В семье И. Я. Яковлева и Е. А. Яковлевой воспитывались дети:

Алексей (1878—1951);

Лидия (1879—1942);

Наталия (1880—1882);

Николай (1883—1949);

Александр (1884—1888).

Алексей родился (18 декабря 1878 г.) и вырос в г. Симбирске. Крестное имя Алексей ему дали в честь деда, отца матери Алексея Александровича Бобровникова. Восприемниками были инспектор Симбирской мужской гимназии И. Я. Христофоров и жена Н. И. Ильминского — Е. С. Ильминская.

Первоначальное образование Алексей получил дома, уже в дошкольные годы мальчик отличался трудолюбием и исполнительностью. По его признанию, он помнил эпизоды своей жизни трехлетнего периода. Вспоминал, как он ходил с матерью в церковь, как собирал цветы одуванчика в школьном саду и т. д.

Когда Алексею исполнилось 11 лет, мать повела его на экзамен в гимназию. На экзамене он показал блестящие знания, и его приняли сразу в третий класс. Ведь с ним регулярно занималась мать, а в свободные дни — и отец, который часто брал его с собой на свою родину, в село Кошки-Новотимбаево даже осенью и зимою. О своих занятиях с Алексеем И. Я. Яковлев сообщал в Казань Н. И. Ильминскому 29 января 1886 г. «Учимся. Леля не только гражданскую, но и церковную печать разбирает, титла знает. Мы дедушкин букварь прочитаем к его приезду»¹. Речь идет о церковно-славянском букваре Н. И. Ильминского.

И. Я. Яковлев стремился к развитию самостоятельного мышления сына. Поэтому после каждой поездки в Кошки-Новотимбаево Алексей должен был писать сочинение о своих впечатлениях, о встречах с родственниками отца и

¹ Яковлев И. Я. Письма. Чебоксары. 1985. С. 117.

т. д. Приведем одно из них, написанное в 1887 г., содержание которого представляет определенный интерес и для изучения родословия И. Я. Яковлева, его системы воспитания детей в семье, отношения к родным и т. д.

Поездка в Кошки

В Кошки мы выехали 6 ноября. Тогда снегу было еще немного, на санях ездить было нельзя: мы поехали на тележке. Выехали мы после обеда часа в четыре. По дороге, верстах в десяти от Симбирска, я попросил папу остановиться, слез и нарвал мерзлых веток. Потом мы доехали до Коровина Оврага, верстах в двадцати от Симбирска. Тут была очень крута гора. А верстах в пяти от Коровина были Дворики. Давно уже была ночь. Мы заехали к мужику знакомому, зовут его Христофором. У него мы напились чаю. Пили мы чай очень долго и все разговаривали с мужиком. А потом легли спать.

Я как лег, так и заснул. В час ночи я проснулся и разбудил папу. Папа говорит: «Да куда же ты теперь? Еще и двух часов нет. И ты еще не выспался, и я спать хочу».

А мы с вечера уговорились ехать в два часа. Пока я одевался, папа все лежал. Спали мы на полу. Принесли нам солому, на солому постлали кошму, на кошму меховое одеяло, а покрылись тулупом. В этой избе, кроме нас с папой и мальчика Филиппа, которого папа взял с собой в Кошки, еще спали четыре мужика; они спали прямо на соломе. А изба была очень маленькая, если не меньше нашей маленькой детской, так уж и никак не больше. И в этой избенке ночевало нас трое да четверо мужиков, с ними был еще мальчик, спал на полатах, да и в ночь приехало трое татар, двое из них спали около кровати, а один под кроватью, да семья Христофора в шесть человек. Как отворят дверь, так и дует на спящих.

Когда я оделся, папа тоже встал и оделся. Мы собрались и поехали. Ночь была темная и туманная. Кроме спины ямщика, ничего не видно. Кругом как-то бело, все одинаково, точно небо с землей сливаются, точно едем мы в шаре.

Мне спать вовсе не хотелось, еду да смотрю. Проехали деревню Комаровку. В деревне все спали, даже и собаки не лаяли. Не спал один только караульщик у ворот. Часа в четыре утра мы были уже в Бурундуках...

Когда рассветало, пришел наш ямщик и говорит: «Пора, что ли, ехать в Кошки?» Папа говорит: «Поезжайте». Я попросился у папы ехать с ними. Сначала папа не отпускал меня, потом отпустил. Он сам остался в Бурундуках, а я поехал. От Бурундуков до Кошек семь ли, восемь ли верст. По дороге мы догнали русского мужика... Я подумал, что он едет в Кошки, и кричу ему: «Садись к нам!» «А куда вы едете?» «В Кошки». «А мне надо в Кишаки». И он отошел от нас.

В Кошках мы остановились в училище. Папа приехал только вечером. Весь день я провел без него.

...Я пошел к старшему брату Филимона Петру. Меня к ним проводил Савелий. На дворе у них много было скотины: три лошади, две коровы, овец много было, гуси, утки ходили по двору и кричали.

Мы вошли в избу. В это время хозяева сидели за столом и обедали. Я поздоровался. Жена Петра и сам Петр говорят: «Садись с нами обедать». Сначала я отговаривался, а потом сел. У них за обедом была салма и жареная утка с картофелем. Я просидел у них почти весь день, пока не приехал папа.

У Петра два сына: Маркел и Александр. Маркелу тринадцать, Александру шесть. Тут набралось много еще других мальчиков. Мы вышли на двор и играли в снежки. Потом Маркел вил из кудели кнут для нашего Коли. А вечером приехал папа. За мной прислали, когда уже было темно. Я вечер провел в училище... читал Робинзона весь вечер. Я прочитал всю первую часть. Как ложиться спать, я напился чаю. Папа устроил постель в комнате учителя, и я лег спать. На другой день встал я поздно и опять принялся читать Робинзона, а часов в двенадцать напился чаю.

Потом я пошел к Михайле. Меня проводил туда какой-то мальчик. Они в это время обедали и прямо посадили меня обедать. За мной приходили звать меня в училище обедать, но я отказался. После обеда меня угощали пивом. Пиво было горькое, и я прихлебывал его с лепешкой. Савелий рассказывал про это всей деревне, и надо мной стали смеяться: «Леша, ты пиво разве с лепешкой пил?»

Когда я пришел в училище, то начал читать опять Робинзона. Потом я с сыном священника ходил на колокольню. Лестница была узенькая и очень крутая. С колокольни видно было далеко. С правой стороны были горы, и на горах лес, с левой стороны деревня и лес, позади опять гора, впереди Кошки и еще несколько деревень, и видно, как далеко едет по дороге мужик. На колокольне мы пробыли недолго.

Я позабыл рассказать про то, как я встретился с Филимоном. Как я... напился чаю, то пошел к Петру. У них я пробыл до обеда и пошел было домой, но в воротах мне попался Филимон. Я сначала не узнал Филимона. Он шел в простой шубе, не в шинели и не в мохнатой шапке. Он меня узнал первый. Мы поздоровались. Мы с ним пошли в дом. Филимон со всеми поздоровался, и мы с ним пошли в училище. В училище мы были недолго, пошли в церковь, потом пошли к Петру. Так мы с ним вместе провели весь день. Говорили мы мало, как всегда, он мне ничего не рассказывал, и я не спрашивал. Вечером Филимон меня проводил в училище. На другой день я вышел на улицу гулять. Вижу — два мальчика играют. И я стал играть с ними. Потом один мальчик ушел, а другой перелез к себе через плетень, и мы на салазках стали возить снопы. Когда мы подвозили снопы, я

увидел папу. Я спросил, куда он идет, он сказал: к сестре. Я с ним пошел. Мы пришли к Петру, и оба с папой у них пообедали. Потом нас Филимон отвез в Бурундуки.

На другой день мы выехали домой. В Двориках опять остановились и пили чай. Когда выехали из Двориков, было уже темно. Как только огни Двориков пропали из виду, мы стали плутать. Филимон отойдет от нас и ищет дорогу, а мы с папой сидим на санях. Кругом темно, ничего не видать, тихо. Потом Филимон далеко в стороне кричит нам, и мы идем к нему. Долго мы бились без дороги. Наконец Филимон закричал нам издалека: «Есть!» Мы очень обрадовались и рысью поехали на его голос.

Когда выехали на дорогу, я уже не боялся, что мы заплутаемся. Мы поехали по найденной дороге, потом я скоро заснул. Я проспал почти вплоть до Симбирска. Симбирск после Кошек показался мне очень хорошим»¹.

После необходимой воспитательной работы над сочинением оно было выслано в Казань Н. И. Ильминскому. В 1920 г. из его архива рукопись попала в руки А. И. Яковлева, ее автору. Несомненно, Ильминский также принимал участие в подготовке Алексея к поступлению в гимназию. Общие усилия привели к желаемым результатам. В первом же учебном году он оказался в числе лучших учеников класса. «Леля учится очень хорошо и весьма усердно, — писал И. Я. Яковлев 5 декабря 1890 г. Н. И. Ильминскому, — надеется быть в эту четверть вторым учеником»².

Гимназист Алексей серьезное внимание уделял изучению языков, чтобы самостоятельно добывать знания из различных зарубежных источников. Он прочел в подлиннике «Гражданскую войну» Корнелия Непота, «Галльскую войну» Юлия Цезаря на латинском языке. За годы учебы в гимназии Алексей почти свободно владел латинским, греческим, французским, немецким и английским языками. Читал он не только художественную литературу, но и философскую. Так на немецком языке прочитал ряд сочинений Э. Канта, например, «Критику чистого разума».

В те годы в гимназии по уставу 1871 г. учились 8 лет, в последнем, 7 классе, обучались 2 года. Алексей учился отлично. Педагогический совет

¹ ЧНМ. Ф. И. Я. Яковлева. Инв. 117.

² Яковлев И. Я. Письма. С. 128.

гимназии, уважая отличные успехи, примерное и похвальное поведение, наградил его Похвальными листами в 3, 4, 6, 7 классах. По решению того же совета дирекция гимназии 3 сентября 1893 г. выдала ему свидетельство на право репетирования.

В 1896 г. Алексей окончил гимназию в числе первых учеников, но медали ему не дали из-за недоразумения с преподавателем греческого языка. В том же году он поступил на историко-филологический факультет Московского университета. С первого же курса студент Яковлев погружается в изучение наук. Он пишет научные статьи почти по всем предметам. На его прилежание и одаренность обращали внимание преподаватели, видные ученые. Профессор Ключевский взял его к себе для разработки темы «Вопрос о крепостных крестьянах и комиссии о сочинении проекта нового уложения», за что студент получил золотую медаль. На IV курсе Алексей заслужил серебряную медаль за сочинение «Пьер Бейль, как предшественник Века Просвещения». Он принимал участие в выполнении исследовательских работ по литературе и иностранным языкам.

Студент Яковлев в то же время принимал активное участие в студенческом движении г. Москвы. По традициям своих отца и деда он продолжал поддерживать связь с Ульяновыми, особенно с Дмитрием. «1897, февраль (март, 3), Ленин встречается с А. И. Яковлевым, товарищем Д. И. Ульянова, на квартире родственников в Москве»¹. 17 февраля 1899 г. Алексей был арестован за активное участие в студенческих волнениях и исключен из университета. К счастью, в это дело своевременно вмешался В. О. Ключевский, научный руководитель Алексея. 21 февраля 1899 г. он послал такое письмо непосредственно ректору университета Д. Н. Зернову: А. Яковлев «написал прекрасное сочинение по русской истории для соискания медалей, когда еще состоял на I курсе — редкий случай в истории русских университетов. Это дало мне возможность узнать его ближе, чем его товарищей. По неоднократным беседам с ним я составил себе понятие о нем,

¹ Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1. 1878—1905. С. 134.

как о благовоспитанном и образованном молодом человеке, даровитом и вдумчивом, с живой научной любознательностью. Он не раз обращался ко мне за советами и указаниями по начатым им занятиям предметами исторического отделения факультета, и чем ближе узнавал я его, тем более укреплялся в составленном о нем мнении, возлагая на него самые добрые надежды. Думаю, что поступок, навлекший на него такую беду и поразивший меня своей неожиданностью, вызван был крайне возбужденным состоянием в столкновении с товарищем и не имел неисправимо дурных побуждений. Безвозвратное удаление его из Москвы прервет столь успешно начатые им научные занятия, лишив его привычного преподавательского руководства и научных средств, какие он находит в Московском университете. Если Вы поможете смягчению его вины и возможному облегчению постигшей его кары, Вы, может быть, спасете прекрасного работника для русской науки и школы. Я со своей стороны готов вполне поручиться за его благонадежное поведение по возвращении в Московский университет. Еще раз усерднейше умоляю Вас, глубокоуважаемый Дмитрий Николаевич, оказать отечески благожелательное сострадательное внимание к прискорбному положению молодого человека»¹.

Пророческое предсказание В. О. Ключевского оправдалось. Благодаря его ходатайству в 1900 г. А. И. Яковлев окончил Московский университет и был оставлен там же для подготовки к профессорскому званию.

«Следствием моего ареста и высылки, — писал А. И. Яковлев позднее, — был отказ учебного округа (по отзыву охранного отделения) допустить меня к оставлению при университете для приготовления к профессорскому званию (тогдашняя аспирантура), а, следовательно, и к сдаче магистрского экзамена. Отказ этот В. О. Ключевскому удалось преодолеть лишь в 1901 г.»².

¹ Ключевский В. О. Письма. М., 1968. С. 466.

² Яковлев Л. И. Письмо Президенту Всесоюзной Академии наук академику С. И. Вавилову. Апрель 1950 г. // Архив РАН. Ф. 574. Оп. 1. Д. 181. Л. 4 (публикуется впервые).

Далее он пишет, что в студенческие годы (1896 - 1900) он имел большие грехи, а именно, «мною были переведены и выпущены с великими цензурными хлопотами боевые (конечно, по-тогдашнему) книжки В. Зомбарта «Социализм и социальное движение в XIX в.» (с немецкого) и Ленина «Страна рабочих клубов» (с английского), немедленно же распроданные»¹.

В 1904 г. А. И. Яковлев завершил сдачу магистерских экзаменов и продолжал работать в различных учебных заведениях Москвы, собирал материалы для диссертации, регулярно консультировался с В. О. Ключевским. Летом 1905 г. А. И. Яковлев совершил заграничное путешествие. В Швейцарии он встречается с В. И. Лениным, А. А. Глазовой, вышедшей к тому времени замуж за И. С. Громеко, и с другими симбирянами. Эта поездка А. И. Яковлева отразилась в исторических документах: «1905, июнь (Женева). Ленин встречается с приехавшим из России А. И. Яковлевым, товарищем Д. И. Ульянова, расспрашивает его о положении в Москве и о вестях из Маньчжурии»².

Вернувшись в Москву, А. И. Яковлев продолжал исследовать социально-экономические условия жизни старой России. В 1916 г. он завершил магистерскую диссертацию на тему: «Засечная черта Московского государства в XVII в.» (20 печатных листов), а через год - докторскую «Приказ сбора ратных людей» (40 печатных листов). Обе диссертации были защищены в Московском университете. В 1918 г. ему присвоили звание ординарного профессора Московского университета.

В том же году В. И. Ленин вызвал А. И. Яковлева к себе и предложил ему принять активное участие в политической работе. «Не чувствуя себя подходящим к таким заданиям, - вспоминал профессор Яковлев позднее, - я выразил желание остаться и далее при скромном ремесле преподавателя истории. Мой отказ не повлек за собой неудовольствия Владимира Ильича, и

¹ Там же.

² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 1, 1878—1905. С. 114.

он до конца своей жизни сохранил ко мне доверие»¹. В необходимых случаях А. И. Яковлев обращался к Ленину за помощью и советами. Так, в 1920 г. при личном содействии главы Советского правительства в Симбирске был создан первый чувашский вуз - Институт народного образования, где работал и А. И. Яковлев в качестве проректора по учебной части. С 1922 по 1930 гг. А. И. Яковлев состоял действительным членом института истории РАНИИОН*, где руководил аспирантами, соискателями.

Как бы ни был занят А. И. Яковлев научными исследованиями, он не забывал и своих родителей. Ежегодно на Рождество он приезжал в Симбирск к родителям. По совету И. Я. Яковлева, Алексей разработал план дальнейшего развития чувашского учебного заведения в Симбирске. Для его осуществления в августе 1920 г. он приезжает вместе со своей семьей к родителям. А. И. Яковлеву было поручено принять участие в организационной работе по институту чуваш (мандат за № 1594, выданный Наркомпросом РСФСР). Однако ему приходилось работать в трех вузах Симбирска в качестве ректора и проректора Пролетарского университета, Русского института народного образования и Чувашского института народного образования. Кроме того, он заведовал Симбирским губернским архивом. Занимая эту должность, А. И. Яковлев принимал ряд мер по сохранению документальных богатств страны.

Многочисленные организации, учебные заведения г. Симбирска часто приглашали А. И. Яковлева читать лекции, принимать участие в дискуссиях по самым различным темам общественной жизни того периода. Широкое участие в таких мероприятиях привело к негативным последствиям. Некоторые симбиряне и прежде всего бывшие члены чувашского национального общества, стремившиеся к отстранению И. Я. Яковлева от руководства чувашским учебным заведением, начали преследовать А. И.

¹ Яковлев А. И. Письмо Президенту Всесоюзной Академии наук С. И. Вавилову. Апрель 1950 // Архив РАН. Ф. 574. Оп. 1. Д. 181. Л. 4.

* РАНИИОН — Российская ассоциация научно-исследовательских институтов общественных наук.

Яковлева. Они обвиняли его в пропаганде «буржуазных идей», «пессимизма» и т. д. В этом отношении А. В. Жиркевич также не являлся исключением. В своем дневнике 26 августа 1920 г. он изложил собственные выводы о недавно приехавшем из Москвы (15 августа) профессоре так: «Как и я, А. И. Яковлев смотрит на общество пессимистически... Оказывается, что Алексей Ив. Яковлев и художник Некрасов поклонники декадентов, модернистов, футуристов в живописи»¹.

Фактически Жиркевич к этому времени еще не успел как следует познакомиться с А. И. Яковлевым, но почему-то спешил делать необоснованные, сугубо субъективные выводы об ученом. Вообще содержание дневника Жиркевича характеризует субъективный подход автора к оценке событий, фактов, мировоззрения его окружающих, ограниченность выводов и т. д. Поэтому к дневнику необходимо относиться критически.

Из Симбирска в Наркомпрос РСФСР поступали жалобы на А. И. Яковлева, якобы он не оправдывает своего назначения и т. д. 8 декабря 1921 г. Наркомпрос с подписью заведующего отделом педагогического образования А. Г. Калашникова прислал официальное письмо. В нем было подчеркнута, что в связи с окончанием организационного периода Чувашского института в Симбирске в дальнейшем «А. И. Яковлев может войти в состав правления Чувашского института на общих основаниях»².

После выполнения поручения Наркомпроса А. И. Яковлев продолжал работать в том же институте. Однако в дальнейшем обстановка вокруг него осложнилась. В 1921 - 1922 учебном году он заведовал учебной частью и социальным отделом. На основании постановления президиума ВЦИК от 9 февраля 1922 г. Симбирский чувашский институт и его сельскохозяйственный техникум со всеми имуществами были переданы в ведение исполкома Чувашской автономной области, которая назначила ректором этого учебного заведения своего представителя, а именно И. Н.

¹ Отдел рукописей музея И. Я. Яковлева в Чувашском пединституте. Дневник А. В. Жиркевича.

² ЦГА ЧР. Ф. 225. Оп 1. Д. 16. Л. 70.

Яштайкина. По его приказу от 22 апреля 1922 г. из того же института было уволено 11 человек, в том числе и А. И. Яковлев.

Несколько позднее, 9 сентября 1950 г., в письме к президенту АН СССР академику С. И. Вавилову А. И. Яковлев написал: «В 1920 - 1922 годах, отстаивая созданное отцом дело, я был в командировке в г. Ульяновске (тогда Симбирск) и заведовал основанным Иваном Яковлевичем в 1868 г. Симбирским чувашским педагогическим институтом. Здесь я столкнулся с узким чувашским национализмом, исходившим от тогдашнего возглавления автономной области. Возглавлявший в то время Наркомпрос М. Н. Покровский не поддержал меня, и я должен был расстаться с Чувашским институтом и вернуться на свою профессорскую работу в Московском университете. Благодаря этому я принужден был оторвать Ивана Яковлева от его жизненного дела на 53-м году его работы и увезти его со всей семьей в Москву.

Замечу, что вне всякой связи с этим эпизодом 1922 года, уже в 1937 году едва ли не все чувашаи-участники этого конфликта понесли кару за такую свою линию»¹.

А. И. Яковлев глубоко переживал. Ведь он переехал в Симбирск со своей семьей с целью осуществления заветной мечты своего отца, открытия университета. И. Я. Яковлев создал для этого значительную материальную базу. Не случайно в 1920 г. созданное им учебное заведение стало высшим учебным заведением. В дальнейшем он планировал преобразовать его в университет и организовать при нем научный центр. При этом А. И. Яковлев надеялся на поддержку со стороны центра и руководства Чувашской автономной области. Однако надежды не оправдались.

За короткий срок пребывания в Симбирске (август 1920 - июль 1922) А. И. Яковлев электрифицировал все здание бывшей чувашской школы, приобрел научно-педагогическую литературу, ценные экспонаты для музея, а на ферме провел водопровод. Прервав все виды своей деятельности, в 1922 г.

¹ Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 182 (публикуется впервые).

он со своей семьей переехал в Москву. Здесь он продолжал археографическое исследование, прерванное в 1920 г. в связи с переездом в Симбирск. «В 1925 г. я принял назначение Ф. Э. Дзержинского, - вспоминал Алексей Иванович, - заведовать библиотечным делом сначала в аппарате ВСНХ*, потом, в качестве руководителя и контролера этого дела, во всех учреждениях ВСНХ. Результатом трудной и напряженной работы, длившейся более 5 лет (даже без отпуска), было радикальное преобразование основной библиотеки ВСНХ и ее каталога, выработка для нее обширных архитектурных планов...

Тов. Дзержинский, относившийся ко мне до конца жизни с полным доверием, отмечал работу моих сотрудников и мою особыми приказами»¹.

Одновременно А. И. Яковлев работал и в других учреждениях, писал научные труды. 31 января 1929 г. он был избран членом-корреспондентом АН СССР по гуманитарным наукам, о чем ему было выдано удостоверение № 18.

Репрессивные меры 30-х годов задели и А. И. Яковлева, и потому он не смог принимать участие на похоронах своего отца И. Я. Яковлева. Путем изоляции видных ученых-историков Сталин хотел создать новую историю, неразрывно связанную с его именем. «О печальных событиях 1930 - 1933 гг. (гонение на профессоров истории, - вспоминал А. И. Яковлев, - хотя в то время фактически я не занимал должности профессора истории уже целых шесть лет), виновником которых был Ягода, распространяться не буду, т. к. имею разрешение не упоминать об этом и в анкетах»².

Только в 1933 г. А. И. Яковлев имел возможность вернуться в Москву и продолжать научную работу. При Картографическом тресте им было организовано Бюро иностранной географической транскрипции из нескольких десятков ученых-лингвистов, проработавших около 200 тысяч географических названий для всех пяти частей света. Эта работа легла в

* ВСНХ — Всесоюзный совет народного хозяйства.

¹ Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 118. Л.5.

² Там же. Л. 16.

основу географической номенклатуры для составления нового Атласа мира. Через два года, т. е. в 1936 г., А. И. Яковлев начал работать по своей специальности историка и архивоведа, а с 1938 г. и до конца жизни состоял старшим научным сотрудником в Институте истории АН СССР.

В 1943 г. за монографию «Холопство и холопы» (М., 1943) А. И. Яковлев удостоился Государственной премии (тогда Сталинская) в размере 100 тыс. рублей. Премию решил передать Чувашской АССР и Мордовской АССР на создание земледельческих приютов имени И. Сталина для сирот - детей воинов, павших в Великой Отечественной войне. Для получения разрешения А. И. Яковлев написал письмо И. В. Сталину, от которого последовал такой ответ:

Члену-корреспонденту Академии Наук СССР проф. А. И. Яковлеву.

Примите мой привет и благодарность Красной Армии, Алексей Иванович, за Вашу заботу о сиротах-детях защитников Родины.

Ваше желание будет исполнено.

И. Сталин (подпись)¹

Действительно, сумма премии была использована для содержания сирот Чувашии (в Марпосадском районе) и Мордовии (в Атяшевском районе), для организации военно-исторической выставки, посвященной памяти М. И. Кутузова.

От руководства Чувашской Республики А. И. Яковлев получил такое письмо:

Члену-корреспонденту Академии Наук СССР, лауреату Сталинской премии проф. Яковлеву Алексею Ивановичу

Уважаемый Алексей Иванович!

Совет Народных Комиссаров Чувашской АССР и Чувашский областной Комитет ВКП(б) выражают Вам искреннюю благодарность за Вашу заботу о детях трудящихся Чувашской Республики, оставшихся без родителей в период Великой Отечественной войны. Ваше отеческое внимание к детям-

¹ Архив РАН. Ф. 665. Оп. 1. Д. 281 (публикуется впервые).

сиротам, пострадавшим от рук фашистских разбойников, найдет живой отклик среди рабочих, колхозников и интеллигенции нашей республики, поднимает еще выше боевой дух земляков-фронтовиков, которые с горячей любовью будут благодарить Вас за это внимание.

Ваша инициатива по устройству детского дома - земледельческой колонии для детей-сирот трудящихся Чувашской Республики будет поддержана. Ваше желание - присвоить будущему детдому имя великого вождя и учителя И. В. Сталина будет поддержано.

Деньги просим перечислить в Чувашскую контору Госбанка на текущий счет № 160/2313 Комиссии при СНК Чувашской АССР по устройству детей, оставшихся без родителей.

Примите наш привет, Алексей Иванович, и наши пожелания Вам в дальнейшей плодотворной научной работе.

Председатель Совнаркома

Секретарь Чувашского
обкома ВКП (б)

А. Матвеев (подпись)

И. Чарыков (подпись)¹

Действительно, как показывают материалы периодической печати того периода, Государственная премия А. И. Яковлева использовалась как в Чувашии, так и в Мордовии по назначению, а именно - для содержания детей павших воинов.

Так повторил А. И. Яковлев подвиг своего отца, воспитавшего в Симбирской чувашской школе несколько поколений сирот.

В годы Великой Отечественной войны А. И. Яковлев проводил большую работу по военно-патриотическому воспитанию советской молодежи. Им были составлены и изданы популярные брошюры о М. И. Кутузове, А. В. Суворове, Александре Невском и о других выдающихся полководцах русского народа. Он часто читал среди военных и мирного населения лекции на военно-политические темы. Свой опыт и знания ученый умело передавал

¹ ОР РГБ. Ф. 361. Д. 71 (публикуется впервые).

молодому поколению, воспитал немало крупных ученых. Среди них были действительный член АН СССР, заслуженный деятель науки РСФСР Л. В. Черепнин, доктор исторических наук проф. А. А. Новосельский и др.

А. И. Яковлев поддерживал тесную связь с Чувашской Республикой, с ее учеными в исследовании истории чувашской культуры (В. Г. Егоров, С. П. Горский, М. Я. Сироткин, А. С. Канюкова и др.), для многих он был научным консультантом. В 1948 г. в Чебоксарах вышла его книга «И. Я. Яковлев (1848 - 1930)», переизданная в 1958 г., изданы также его воспоминания об отце*.

Огромна заслуга А. И. Яковлева и его семьи в сохранении и систематизации личных архивов И. Я. Яковлева и Н. И. Ильминского, переданные после их смерти в отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина (ныне Российская государственная библиотека). Здесь созданы личные фонды И. Я. Яковлева (№ 361), Н. И. Ильминского (№ 424). Часть архива И. Я. Яковлева получили Чувашская Республика, Государственный музей «Симбирская чувашская школа и квартира И. Я. Яковлева» (г. Ульяновск). Личная библиотека, документы А. И. Яковлева и его отца ныне хранятся в различных музеях г. Чебоксар и Ульяновска. Личный архив А. И. Яковлева хранится в архивах РАН (фонд № 65). В нем есть материалы переписки с выдающимися деятелями науки и культуры. Даже простое перечисление авторов писем свидетельствует о широте научных связей А. И. Яковлева. К их числу относятся президент АН СССР академик, четырежды лауреат Государственной премии С. И. Вавилов, член-корреспондент АН СССР С. В. Бахрушин, академики АН СССР С. Б. Веселовский, Ю. В. Готье, Б. Д. Греков, почетный академик Петербургской Академии наук, советский государственный деятель, член ВЦИК А. М. Коллонтай, почетный академик Петербургской АН А. Ф. Кони, художник, заслуженный деятель искусств РСФСР М. В. Нестеров, академики АН СССР В. Н. Образцов, С. Ф. Платонов, Е. В. Тарле, член-корреспондент

* См. сборник «История и культура Чувашской АССР».

Петербургской АН И. В. Цветаев, вице-президент АН СССР, академик О. Ю. Шмидт и др.

За свою жизнь А. И. Яковлев составил, издал и редактировал множество научных трудов, значения которых трудно переоценить для науки. Основным направлением его научных интересов было исследование различных проблем истории русского феодального общества, введение в широкий научный оборот исторических документов. Перечислим некоторые из его работ.

Демократическая школа // Симбирские вести. 1906, № 173 - 174 (Пособие к лекциям по русской истории. М., 1907).

Засечная черта Московского государства в XVII веке. М., 1916.

Смутное дело Приказа сбора ратных людей. М., 1916.

Приказ сбора ратных людей (1637 - 1653). М., 1917.

Памятники социально-экономической истории Московского государства XIV-XVII вв. М., 1929.

Холопство и холопы в Московском государстве XVII в. М., 1943 и другие.

Под редакцией А. И. Яковлева вышли следующие основные работы:

Новгородские записные кабальные книги 100 - 104 и 111 годов. М., 1938.

Документы и материалы по истории Мордовской АССР. 1 - 4 тт. Саранск 1939 - 1952.

Акты хозяйства боярина Б. И. Морозова. 1 - 2 тт. М. - Л., 1940.

Таможенные книги Московского государства XVII в. 1 - 3 тт. М., 1950 - 1952 и др.

За выдающиеся заслуги перед Отечеством А. И. Яковлев награжден орденом Трудового Красного Знамени (1945 г.), медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.» (1945 г.) и другими медалями, Почетной грамотой АН СССР (1945 г.), Почетной грамотой Мордовской АССР (1947 г.) и др.

Умер А. И. Яковлев в 1951 г. и похоронен на Новодевичьем кладбище в том же ряду, где покоятся А. П. Чехов, Н. В. Гоголь и другие выдающиеся деятели науки и культуры нашей страны.

Дети А. И. Яковлева

Алексей Иванович женился на Ольге Петровне Приклонской, родившейся 5 ноября 1879 г. (по новому стилю) в с. Болховское Курмышского уезда Симбирской губернии. В 1904 г. она окончила Казанскую художественную школу. Ей принадлежит ряд замечательных работ - портрет И. Я. Яковлева, тиражированный в Мюнхене (200 экз.), портрет В. О. Ключевского, репродукция которого использована для издания сочинений В. О. Ключевского, и др.

О. П. Яковлева (Приклонская) умерла 25 марта 1966 г. в Москве и похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с А. И. Яковлевым. Она принимала активное участие в хранении, систематизации архивов И. Я. Яковлева, Н. И. Ильминского, в расшифровке воспоминаний отца А. И. Яковлева, записанных А. В. Жиркевичем. Полный текст этих воспоминаний вышел под названием «Моя жизнь» (М., 1997).

В семье А. И. Яковлева было трое детей:

Наталия (2 (15) июня 1906 - 1975);

Ольга (10 (23) апреля 1908 - 23/ХІІ 1995);

Иван (30 сентября (13 октября) 1912 - 1/ІІІ 2000).

А. И. Яковлев, как и его отец, был счастлив в семейной жизни, в жене и детях. Из этой семьи вышли люди большого труда и науки. Причем ни один из них не повторял жизненный путь своего предшественника. Среди них были врач, историк и физик.

Наталия Алексеевна по окончании гимназии работала медсестрой в клинике Бакуниных. Ее отец А. И. Яковлев — близкий знакомый Э. Н. Бакуниной. Продав свою клинику, Бакунины выехали за границу. Вместе с

ними выехала и Наталия. Сначала они жили в Югославии, затем в Италии и, наконец, во Франции. По окончании подготовительных курсов Наталия поступила на медицинский факультет Парижского университета и успешно окончила его. Став врачом, она вышла замуж за школьного товарища по Москве Левашовского, но разошлась с ним, детей не было.

Позднее Наталия Алексеевна вышла замуж за Пьера Мартру (педиатр), руководившего кафедрой в Лиможском университете. Став профессором, П. Мартру переехал в Парижский университет вместе со своей семьей. Его жена Наталия Алексеевна также работала в университете. Во время второй мировой войны Пьер Мартру участвовал в рядах Сопротивления. В его семье выросли:

Анна (1940 г.);

Франсуаза (1942 г.);

Жан (1943 - 1984);

Екатерина (1947 г.).

А. И. Яковлев часто получал письма от Наташи и после Великой Отечественной войны. В одном из писем к ней (без даты) он сообщал о семье: «Оля, Иван заняты исследованиями по докторской диссертации. У обоих очень утомительный вид, т.к. во время войны приходилось работать безо всяких передышек. Нам с мамой грустно, что у них нет собственных семей, и нет пока перспективы счастливого семейного окружения в будущем»¹.

Все дети получили высшее образование, живут в Париже. Франсуаза — профессор медицины, в настоящее время работает в Министерстве здравоохранения Франции, имеет троих детей: Винцет, 1970 г. рождения, юрист; Анна, 1973 г. рождения; Давид - 1976 г. рождения. Подробными сведениями о них пока не располагаем.

¹ Из личного архива автора книги (публикуется впервые). Здесь же отметим, что Оля и Иван прожили одинокими, посвятив себя науке.

Вторым ребенком в семье А. И. Яковлева была *Ольга Алексеевна Яковлева* (10 (23) апреля 1908 - 23 декабря 1995). Она окончила историко-филологический факультет Московского университета, работала в библиотечном, архивном институтах, а затем в институте техники и естествознания АН СССР, отсюда ушла на пенсию в 1963 г. В 1944 г. она защитила диссертацию на ученую степень кандидата исторических наук по теме «К истории материальной культуры Руси конца XV - начала XVI вв.». В 1945 г. была утверждена в ученном звании доцента по кафедре истории СССР, в 1955 г. решением Президиума АН СССР - в ученном звании старшего научного сотрудника по специальности «история техники».

О. А. Яковлева награждена медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941 - 1945 гг.», Почетными грамотами Чувашской Республики. Ей присвоено почетное звание «Заслуженный работник культуры Чувашской АССР». Она принимала активное участие в сохранении личных вещей, библиотеки и документов И. Я. Яковлева, переданных Чувашской Республике. Ее же трудом были систематизированы личные архивы отца и И. Я. Яковлева, Н. И. Ильминского. Умерла в Москве, похоронена на Новодевичьем кладбище рядом с отцом.

О. А. Яковлева написала ряд научных статей, посвященных истории России, жизни и деятельности И. Я. Яковлева. Основные из них:

1. Два письма И. Н. Ульянова к И. Я. Яковлеву // Записки отдела рукописей Государственной библиотеки СССР им. В. И. Ленина. Вып. 18. М., 1956. С. 342-347.

2. Кованые шубы в древней Руси // Ученые записки ЧНИИ. Вып. 16. Чебоксары, 1958. С. 276-277.

3. К вопросу о добросовестности официального угличского следствия 1591 г. // Там же. Вып. 21. Чебоксары, 1962. С. 350-353.

4. К вопросу о напалках* на Руси XVI-XVII веков // Там же. С. 348-350.

* Напалки — кольцо на большом пальце левой руки, служило приспособлением для стрельбы из лука. Оно защищало большой палец от удара тетивы. Кольца делали из костей, камней и т. д.

5. К вопросу об угличском деле 1591 года // Там же. Вып. 29. Чебоксары, 1965. С. 255-258.

6. К истории возвышения Бориса Годунова // Там же. Вып. 52. Чебоксары, 1970. С. 215-219.

Ольга Алексеевна поддерживала тесную связь с Чувашской Республикой, с членами редколлегии по изданию многотомного собрания сочинений И. Я. Яковлева, с работниками Государственного музея «Симбирская чувашская школа» в г. Ульяновске. Весь ее архив станет достоянием этого же музея. Она прожила свою жизнь в одиночку, не имела семьи.

Третий ребенок в семье А. И. Яковлева был *Иван Алексеевич Яковлев* (13.X. 1912), окончивший в 1932 г. физический факультет Московского университета им. М. В. Ломоносова. До февраля 1934 г. работал в институте инженеров транспорта, а с марта того же года по настоящее время трудится в том же университете. Здесь же он защитил кандидатскую и докторскую диссертации по следующим темам: «Исследование молекулярного рассеивания света при низких температурах», «Исследование фазовых превращений второго рода в кристаллах». Ведущее направление его научного исследования - физика кристаллов. Длительное время Иван Алексеевич заведовал кафедрой физики кристаллов, лабораторией по выращиванию искусственных кристаллов, является членом редколлегии академического журнала «Успехи советской физики»*. По словам И. А. Яковлева, он редактирует этот журнал с 1966 г. по настоящее время вместе с известным физиком нашей страны В. Л. Гинзбургом.

Многие научные труды И. А. Яковлева непосредственно связаны с исследованием космоса и изданы во многих странах мира. Ему присвоены почетные звания: «Заслуженный деятель науки Российской Федерации», «Заслуженный профессор Московского государственного университета им.

* Теперь «Успехи физических наук».

М. В. Ломоносова». Он награжден орденом «Знак Почета» и многими медалями.

И. А. Яковлев принимал активное участие в подготовке, в повышении квалификации преподавателей физики для Чувашской Республики, в сохранении личных вещей своего деда, И. Я. Яковлева, в систематизации его архивных материалов, а в настоящее время пишет о нем воспоминания. В июне 1997 г. Ученый совет Чувашского государственного университета им. И. Н. Ульянова присвоил ему почетное звание доктора наук.

* * *

Вторым ребенком в семье И. Я. Яковлева была **Лидия** (7.1.1879—7.09.1942), которая, как и ее брат Алексей, еще в дошкольном возрасте обучалась основам грамоты и иностранным языкам. Ведь родители готовили ее к поступлению в местную гимназию, которая открывала путь и к высшему образованию. Однако высшего учебного заведения в Симбирске не было.

В августе 1894 г. Екатерина Алексеевна Яковлева увезла дочь свою Лидию в Казань для поступления в Родионовский институт благородных девиц. По результатам экзаменов Лидию зачислили сразу в IV класс, и она продолжала успешно учиться. По желанию родителей после окончания института она должна была учиться на высших женских курсах, организованных учеными университета в 1879 г. Однако она не дошла до этих курсов, а вышла замуж за сына историка Д. И. Иловайского (1832 - 1920), происходившего из дворянского рода Войска Донского. Его дядя А. И. Иловайский принимал участие со своими казаками в 1774 г. в поимке Е. Пугачева, за что был награжден 20000 рублями и званием наказного атамана.

Вышедший из столь знаменитого рода Иловайский-младший - Давыд Дмитриевич оказался неверным супругом, привыкшим жить в окружении множества дам. По словам Е. А. Некрасовой, дочери Лидии Яковлевой, Иловайский-младший содержал гарем. В 1901 г. Лидия Ивановна развелась с ним, а в 1904 г. вышла замуж за ученого-биолога А. Д. Некрасова (1878-1960). Позднее он стал профессором. В их семье выросло пятеро детей:

Екатерина (1878 - 1989); Алексей (1909 - 1933); Лидия (1906 - 1910); Анна (1913); Дмитрий (1914 - 1971).

Дети не мешали матери заниматься творческой работой, изучением истории искусств, переводами книг с иностранных языков, больше всего с английского. По словам Анны, дочери Л. И. Некрасовой, ее мать в 1918 г. с защитой диссертации окончила Московский археологический институт. Тема ее диссертации — «Д. Г. Россети» (английский живописец и поэт XIX в.). Очевидно, по желанию мужа, в дальнейшем она занималась переводом научной и научно-популярной литературы по биологии и медицине.

В 1925 г. с целью получения новейшей литературы для перевода Л. И. Некрасова знакомится с корреспондентами американской газеты «Christian Science» Чемберленом и его женой, которые приезжали в г. Горький, где американцы строили тогда автозавод. Муж Л. И. Некрасовой работал здесь в университете. Она пустила американских корреспондентов в квартиру. В 1927 г. ее арестовали, обвиняли необоснованно в шпионаже. По ходатайству А. И. Яковлева в дело Л. И. Некрасовой вмешался нарком иностранных дел РСФСР Г. В. Чичерин (1872 - 1936), дядя арестованной, что ускорило выяснение ее полной невиновности и затем освобождение.

Через некоторое время Лидия Ивановна возобновила связь с американскими корреспондентами. С ними она сотрудничала до 1933 г. до отъезда их из СССР. Чемберлены познакомили Л. И. Некрасову и с другими американцами, что вызывало подозрение, слежку со стороны спецорганов НКВД. 10 апреля 1937 г. был произведен обыск квартиры Л. И. Некрасовой (Савельевский пер., 15, кв. 4/10), а ее арестовали. В Главное управление госбезопасности были доставлены: 6 иностранных журналов, 16 фотографий, иностранные газеты, 4 книги авторов Бухарина, Радека, Смидовича, одна военная карта. 4 июня того же года особое совещание НКВД СССР

постановило: «Некрасову Лидию Ивановну по подозрению в шпионаже заключить в исправтрудлагерь сроком на 5 лет»¹.

Л. И. Некрасова не признавала себя виновной и за все время нахождения в заключении протестовала против постановления особого совещания НКВД, обращалась с настоятельными просьбами пересмотреть ее дело. Об этом она писала прокурору Седову, председателю Президиума Верховного Совета СССР, наркому внутренних дел Л. Берия и т. д. Ниже приводим полный текст ее письма в ВЦИК, где упоминаются и заслуги ее отца, И. Я. Яковлева, перед Отечеством.

«11 апреля 1937 г. я была арестована органами НКВД и после допроса сослана на 5 лет в концлагерь на север европейской части СССР; осенью 1937 г. я подала приезжавшему в концлагерь прокурору Седову просьбу о пересмотре дела, но ответа не получила. Теперь обращаюсь с этой же просьбой во ВЦИК.

Обстоятельства моего дела представляются мне в следующем виде.

Переводами я занимаюсь давно, до войны. В 1923 - 24 гг. мне пришлось переводить для изд. «Красная Нива» ряд книг Э. Синклера, прямо с рукописей, переданных мне Д. Р. Вильямсом, другом Д. Рида, с которым он приехал в СССР и личным знакомым В. И. Ленина. В 1925 году Вильямс познакомил меня с мужем и женой Чемберленами, корреспондентами американской газеты. Жена Чемберлена была русская еврейка, пережившая все ужасы еврейского погрома. Оба они неизменно высказывали социалистические взгляды и полное сочувствие коммунизму. Знакомство с Чемберленами продолжалось до их отъезда в 1933 г. Оно никогда не было близким и поддерживалось ими, а не мной. С 1929 по 1932 гг. они бывали очень редко, так же, как и я у них - вследствие болезней отца моего и сына посещения их сами собой прекратились. Перед своим отъездом они были у меня, и я заходила к ним несколько раз по делу, о котором ниже.

¹ Личный архив В. В. Павлова. Копии документов по делу (№ Н-3032/ОС) о реабилитации Л. И. Некрасовой, выданные архивным отделом Военного трибунала Московского военного округа 31.03.1958 г. Л. 178 (публикуется впервые).

Чемберлены бывали по выходным дням, никогда не засиживались долго: из тех людей, которых они могли встретить у меня, никто не говорил по-английски, а сам Чемберлен не говорил по-русски. Тем не менее, как я указала в своем заявлении прокурору Седову, следователь, ведший мое дело, написал в протоколе, что у нас за столом велись «контрреволюционные разговоры вместо «бытовые», как я сказала. Я решительно отрицала это и протестовала против этого протокола и моя подпись под этим протоколом была получена обманом - следователь уверил меня, что отметит это и что протокол-черновик, который будет переписан. Однако это был последний допрос и последний подписанный мной протокол. Муж и жена Чемберлены были достаточно умны и образованны, чтобы с ними было интересно встречаться.

Наши разговоры касались главным образом литературных и художественных тем, что вполне естественно для людей, специально занятых литературой, журнализмом, театром и музыкой. Кажется, Чемберлен работал над вопросами землевладения в СССР с 1917 по 1919 гг., но так как эти вопросы очень далеки от меня, то я никогда его не расспрашивала об этой работе. Религиозные вопросы Чемберлена абсолютно не занимали.

Получая от Чемберленов время от времени журналы и книги, я могла следить за литературными новинками, что для меня, специалиста переводчика, имело тогда большое значение. Я же со своей стороны считала полезным делом обращать внимание Вильямса и Чемберленов на достижения в разных областях советского искусства - книжной графики, Палеха, росписи тканей, реставрационных мастерских и т. д., которые тогда еще не пользовались общим признанием.

Категорически отрицаю получение каких-либо ценных подарков, валюты и т. д. от Чемберленов и от кого бы то ни было. А получала лишь мелочи - в виде лекарств для больной матери и пустяки в виде губной помады, я всегда сторицей отдаривала предметами нашей художественной

промышленности, не желая становиться в положение лиц, принимающих подачки, и совершенно недопустимое на моем месте - жены профессора.

Единственное дело, о котором я упомянула выше, которое я имела с Чемберленами, заключалось в том, что перед отъездом они предложили мне продать их пишущую машинку (Ремингтон-портабль) так, чтобы уплатить им 1000 руб., остальное же взять себе за комиссию. Эту машинку С. Я. Дунаевский приобрел для конторы Метростроя за 3000 рублей. Из них 1000 руб. Дунаевский взял за комиссию себе, 1000 руб. я передала Чемберлену и 1000 осталась мне. Эта сумма в общем бюджете особой роли играть не могла, так как ежемесячно бюджет нашей семьи в среднем составлял около 2000 в месяц, мой регулярный заработок 500—600.

Перед отъездом Чемберленов я встретила у них с заместителем по газете - Бесс. Миссис Бесс оказалась знатоком китайского искусства, что послужило поводом к продолжению этого знакомства. В это время я уже не жила в Москве и приезжала из Горького по делам в издательствах и повидать свою мать и детей. К Бесс я заходила раза 2-3 в год. Они у меня не бывали. Самого Бесса я вообще видела всего раза три. Знакомство с ними было еще более далеким, чем с Чемберленами и еще с большим уклоном специально в искусстве. Миссис Бесс делилась со мной своими знаниями на китайской выставке и в музее восточных культур. Я водила ее в курс русского искусства. В роковой для меня день весной 1937 г. я зашла к Бесс, чтобы получить газеты и журналы со статьями, посвященными столетию со дня рождения английского поэта Суинберна, над которым я работаю уже лет тридцать.

Это восьмилетнее знакомство с Чемберленами и то, что я продолжала знакомство с их заместителем Бесс («вы были им переданы», как выразился следователь), и послужило к обвинению меня в шпионаже или, по крайней мере, к подозрению в шпионаже.

Никакие другие знакомства, как с Вильямс, Вильсон и Митчель, мне не были поставлены в вину («мы их знаем»). Я не буду говорить, как я была

поражена, что Чемберлена и Бесс подозревают в том, что они — английские шпионы. О книге, которую Чемберлен написал, уехав за границу, я не имею понятия. Никаких знакомств с военными, химиками в оборонной или тяжелой промышленности не имею. Даже бессознательно не могла бы причинить какого-либо вреда в этом отношении. Круг моих знакомых и интересов хорошо известен. На это мне возражали, что даже мои простые бытовые разговоры могли быть вредны. Чем и как, мне осталось непонятным. Но, конечно, настоящий шпион сумеет использовать все, это - верно. Я счастлива и это сознание дает мне силы переносить мою тяжелую участь, что сознательно я никогда бы не совершила ни одного шага ко вреду моей родины. В этом мне можно верить, и никогда ноги моей не было бы ни у Чемберленов, ни у Бесс, если бы у меня закралось малейшее подозрение в их роли в СССР.

Затем без протоколов мне предъявили обвинения в антисемитизме, я просила опросить моих друзей - Я. Шифманович, Е. В. Александрову, Долгополову и т. д.; в «ненависти» к комсомолу — я сказала, что у меня дети комсомольцы, в «презрении» к ударникам, - я спросила, «как же, у меня муж ударник?» и т. д. Кроме решительного твердого отрицания подобных нелепых обвинений, я сочла унижительным входить в объяснения с заглазными лжесвидетелями.

Да и странно бы было делать это мне, дочери Ивана Яковлевича Яковлева, чувашина-крестьянина, просветителя чувашского народа, создателя национальной школы с родным языком преподавания, положившего начало национальному алфавиту и литературе и в то же время горячего сторонника русской культуры, близкого друга и соратника отца Владимира Ильича Ленина, который и сам знал и ценил Ивана Яковлевича, что ясно хотя бы из его телеграммы, приведенной в Ленинском сборнике, т. XXI: «Симбирск. Председателю Совета. 20 апр. 1918 г. Сообщите по телеграфу обстоятельства и условия избрания председателей Чувашской женской и мужской учительских семинарий. МЕНЯ ИНТЕРЕСУЕТ СУДЬБА

ИНСПЕКТОРА ИВАНА ЯКОВЛЕВИЧА ЯКОВЛЕВА, 50 ЛЕТ РАБОТАВШЕГО НАД НАЦИОНАЛЬНЫМ ПОДЪЕМОМ ЧУВАШ И ПРЕТЕРПЕВШЕГО РЯД ГОНЕНИЙ ОТ ЦАРИЗМА. Думаю, что Яковлева надо не отрывать от дела его жизни. Председатель Совнаркома ЛЕНИН».

К сказанному добавлю, что мне 58 лет, что врачебная комиссия признала меня инвалидом (у меня миокардит, болезнь печени и последнее время врач находит у меня малярию)»¹.

Поступление ответов на письма Л. И. Некрасовой архивные материалы не подтверждают. Очевидно, не дождавшись желаемого ответа, она, прибывшая из Бутырской тюрьмы, скончалась 11 сентября 1942 г. в лазарете лагеря вблизи поселка Ухта.

Так преждевременно оборвалась жизнь единственной дочери И. Я. Яковлева, Лидии, которая по его желанию должна была идти по стопам отца, продолжать просветительское дело. Именно с этой целью ее направили учиться в институт благородных девиц. Однако жизнь сложилась иначе.

Позднее, 12 марта 1958 г., главный прокурор военного трибунала Московского военного округа, расследовав дело Л. И. Некрасовой, указал: «...В процессе следствия и проверки дела никаких конкретных доказательств антисоветской деятельности Некрасовой не установлено.

Наоборот, при проверке дела установлено, что секретный сотрудник органов НКВД, сообщивший о якобы подозрительных по шпионажу связях Некрасовой с Чемберленом и Бессом, являлся дезинформатором». 31 марта 1958 г. военный трибунал Московского военного округа определил: «Постановление Особого совещания при НКВД СССР от 4 июня 1937 г. в отношении Некрасовой Лидии Ивановны отменить и дело о ней прекратить за отсутствием состава преступления»².

Таким образом, Л. И. Некрасова полностью была реабилитирована. Иначе и быть не могло. И. Я. Яковлев воспитывал не только своих детей, но

¹ Личный архив В. В. Павлова... Л. 55—58 (публикуется впервые).

² Личный архив В. В. Павлова... Л. 175, 177 (публикуется впервые).

и учащихся Симбирской чувашской школы в духе беспредельной преданности интересам народа и Отечества. Так, в годы первой мировой войны целые классы учащихся Симбирской чувашской учительской школы добровольно уходили на фронт, а воспитанницы женских педагогических курсов вместе со своими преподавателями готовили теплую одежду для воинов-защитников Родины. Подобных примеров можно привести много, об этом же свидетельствует такой патриотический поступок старшего сына И. Я. Яковлева - Алексея, передавшего в 1943 г. присужденную ему Государственную премию на содержание детей павших воинов в годы Великой Отечественной войны.

Дети Л. И. Яковлевой (Некрасовой)

В 1905 году Лидия Ивановна родила первого ребенка — *Екатерину*, которая длительное время воспитывалась в семье И. Я. Яковлева. Следует отметить, что эта семья для детей И. Я. Яковлева и их потомков долгое время служила своеобразной школой со своими традициями, оригинальной системой воспитания, соединения обучения с творческим трудом детей и т. д. Эта система создавалась и совершенствовалась не без участия Н. И. Ильминского. Не случайно в ней предпочтение давалось формальному образованию.

Наиболее доступным средством для развития детской природы в ранний период Н. И. Ильминский и И. Я. Яковлев считали изучение математики и языков. Поэтому Екатерина Алексеевна, как и все воспитанники этой школы, еще до поступления в гимназию разговаривала на немецком, английском и французском языках, принимала участие вместе с матерью в выполнении домашних работ. Такая система домашнего воспитания одновременно являлась подготовкой к поступлению в школу и открывала широкую дорогу для дальнейшего образования.

Е. А. Некрасова поступила сразу в III класс гимназии, окончила Московский университет (1929), стала доктором искусствоведения, старшим научным сотрудником Научно-исследовательского института Академии художеств СССР.

Е. А. Некрасова вышла замуж за Всеволода Владимировича Павлова (1898 - 1972), но фамилию сохранила прежнюю. Ее муж был известным советским искусствоведом-египтологом, доктором искусствоведения, заслуженным деятелем искусств РСФСР, профессором Московского государственного университета им. М. В. Ломоносова. Ему принадлежит ряд фундаментальных трудов по искусству древнего Египта*.

В. В. Павлов оказал большую помощь в создании музея И. Я. Яковлева в Чувашском пединституте, в реставрации его многих экспонатов в мастерских Музея изобразительных искусств им. А. С. Пушкина в Москве. Вместе с Екатериной Алексеевной они сохранили, а затем передали нам уникальные документы, фотографии И. Я. Яковлева (два альбома) и Симбирской чувашской школы, унаследованные от Л. И. Яковлевой (Некрасовой). Ныне эти реликвии хранятся в музеях И. Я. Яковлева в Ульяновске и Чебоксарах. В числе подаренных вещей есть и книги Е. А. Некрасовой. Она работала на протяжении ряда лет в области русского и зарубежного искусства. Особенно много сил ею было отдано изучению искусства Англии. Одновременно она работала в МГУ, преподавала английское искусство, подготовила по этой же теме разделы для БСЭ, многотомного издания «Мастера искусства об искусстве».

Екатерина Алексеевна - автор многочисленных работ и переводов с английского монографических изданий «Хогарт» (1933), «Творчество Уильяма Блейка» (1959, 1962), «Тернер» (1970), «Искусство английского романтизма» (1975), «М. В. Ломоносов - художник» (1989) и др. Она же подготовила издание книги Джеймса Уистлера «Изящное искусство создавать себе врагов». Анализируя творчество Гейнсборо, особенно

* Подробнее см. «Павлов Всеволод Владимирович». БСЭ. Т. 19, третье издание.

любимого ею художника, Е. А. Некрасова отходит от общепринятой традиции: она не рассматривает его только как блестящего портретиста, но особо подчеркивает выдающиеся достижения Гейнсборо в пейзажной живописи.

Е. А. Некрасова помогала художникам, искусствоведам Чувашии в разработке научных тем, в защите диссертаций. Она неоднократно приезжала в Чебоксары, а в 1970 г. вместе со своей внучкой отдыхала в деревне (Мартынове Козловского района*).

В 1933 г. вместе с группой ученых г. Москвы Е. А. Некрасова исследовала настенные рисунки, росписи ряда церквей г. Чебоксары. Материалы результатов исследования были переданы в АН СССР, и теперь они используются в восстановительных работах.

Е. А. Некрасова с перерывами жила в семье И. Я. Яковлева до 1921 г. По ее рассказам мы записали много интересных данных о его жизни и деятельности, о Симбирской чувашской школе, которые пока еще полностью не опубликованы. В архивах хранятся письма И. Я. Яковлева и его жены Е. А. Яковлевой, написанные под их диктовку внучкой Катей, т. е. Е. А. Некрасовой. Они также не опубликованы.

Е. А. Некрасова и ее муж В. В. Павлов воспитали двух детей: Владимира (1940) и Екатерину (1934).

Екатерина Всеволодовна Павлова родилась в Москве 4 июня 1934 года, в 1957 г. окончила филологический факультет МГУ. С 1958 г. по настоящее время она работает в Государственном музее А. С. Пушкина, с декабря 1962 г. заведует отделом изобразительных фондов, в 1984 г. защитила диссертацию на соискание степени кандидата искусствоведения по книге «А. С. Пушкин в портретах» в двух томах (М., 1983). Второе издание, значительно дополненное, вышло в 1989 г. С 1979 г. член Союза художников СССР, с 1987 - заслуженный работник культуры РСФСР. Е. В. Павлова опубликовала более 100 печатных трудов.

* В этой деревне родился автор данной книги — Н. Г. Краснов. *Примечание редактора.*

В 1956 г. Е. В. Павлова, будучи еще студенткой, вышла замуж за студента МГУ М. В. Толмачева, ставшего кандидатом наук. У них родился сын Василий, ныне доктор наук, профессор МГУ, специалист по американской литературе, имеет более 100 научных работ, в том числе монографии: «Американский роман 1920-х годов». М., 1992, «От романтизма к романтизму». М., 1997 и т. д. Жена Василия Михайловича Толмачева — Светлана Александровна, кандидат наук, также работает в МГУ. У них есть двое детей.

В 1966 г. Е. В. Павлова родила второго ребенка Любовь. Она окончила факультет книжной графики Московского полиграфического института (ныне Академия печати). Ее трудом были оформлены и изданы книги: Г. Дюбин. Звезды русской сцены. М., 1992; Вифлеемская звезда. М., 1993 и др. Ее муж Никита Георгиевич Ордынский, выпускник Московского полиграфического института. Его трудом были оформлены книги разных жанров, в том числе «История русской церкви» в 9 томах; «Итоги века: взгляд из России» и др.

Дочь Е. В. Павловой Любовь имеет двух дочерей: Марию Леонидовну Харитонову, 1990 г. рождения (по первому браку) и Екатерину Никитичну Ордынскую, 1994 г. (по второму браку). Теперь родители этих дочерей — мать Любовь Михайловна Ордынская и отец Никита Георгиевич Ордынский - оба художники, редакторы, создали крепкую семью, заняты большим творческим трудом. Они продолжают традиции своей бабушки Е. А. Некрасовой.

В 1940 г. в семье Е. А. Некрасовой и В. В. Павлова родился сын Владимир. В 1962 г. он окончил отделение истории и теории искусств исторического факультета МГУ им. М. В. Ломоносова. По окончании университета работал в Третьяковской галерее (1962 - 1963), в 1963 г. поступил на актерский факультет Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского. Получив в 1968 г. диплом артиста, В. В. Павлов был принят в труппу Московского театра им М. Н. Ермоловой, где и

работает по сей день как ведущий артист. Он лауреат международного конкурса моноспектаклей. Это почетное звание получил за спектакль «Кроткая» по произведению Ф. М. Достоевского. Он снимался во многих фильмах. В 1997 г. ему было присвоено почетное звание «Заслуженный артист Российской Федерации». В. В. Павлов имеет четверых детей:

1. Алексея (1975 г. рождения); в 1997 г. окончил Московский государственный педагогический университет им. В. И. Ленина.

2. Всеволода (1983 г. рождения), окончил МГУ, социолог.

3. Екатерину (1985 г. рождения), студентка МГУ.

4. Ольгу (1989 г. рождения), студентка МГУ.

Жена В. В. Павлова Светлана Дмитриевна - инженер-химик, работает в Научно-исследовательском институте.

Следующим ребенком в семье Л. И. Некрасовой (Яковлевой) и А. Д. Некрасова был *Алексей* (1909 - 1933), который с детства же показал свои блестящие природные дарования. Еще в годы учебы в университете академик В. В. Бартольд привлекал его к разработке научных тем по ориенталистике. Окончив университет, А. А. Некрасов стал аспирантом В. В. Бартольда, принимал участие в научных экспедициях вместе со своим руководителем, но не смог дальше работать, заболел и умер.

После Алексея Л. И. Некрасова (Яковлева) родила *Лидию* (1910), которая умерла в том же году. Затем в этой семье родилась *Анна* (1913). В 1933 г. она окончила Московское хореографическое училище при Государственном академическом Большом театре Союза ССР (ныне Государственная Академия театрального искусства), потом поступила на режиссерский факультет Государственного института театрального искусства им. А. В. Луначарского. В 1938 г. она окончила этот институт и была направлена в Театр юного зрителя г. Горького режиссером-постановщиком. Одновременно с работой в театре вела педагогическую работу по мастерству актера в театральном училище г. Горького (в 1939 - 1947 гг.). Во время Великой Отечественной войны А. А. Некрасова неоднократно возглавляла актерскую

бригаду по художественному обслуживанию Северо-Западного и Волховского фронтов. В 1947 г. вернулась с семьей в Москву, работала в Российском академическом молодежном театре режиссером-постановщиком. С 1956 г. она являлась также профессором кафедры музыкального театра Государственного института театрального искусства.

А. А. Некрасова было присвоено почетное звание народного артиста РФ, она награждена орденом «Знак Почета», многими медалями и грамотами, получила Государственную премию им. К. С. Станиславского, шесть созывов подряд (с 1965 г.) избиралась депутатом Свердловского райсовета депутатов трудящихся г. Москвы.

Анна Алексеевна еще в студенческие годы вышла замуж за однокурсника - Бориса Александровича Покровского, ставшего впоследствии директором Государственного академического Большого театра Союза ССР, четыре раза удостоенного присуждения Государственной премии СССР. Анна Алексеевна, как и ее сестра Екатерина Алексеевна, и после замужества сохранила девичью фамилию - Некрасова. Она воспитала двух детей:

1. Аллу Борисовну (1937 года рождения).
2. Александра Борисовича (1944 года рождения).

Ныне А. Б. Покровская - народная артистка РФ, работает в Московском театре «Современник», в то же время является профессором школы-студии при Художественном театре г. Москвы. Ее брат А. Б. Покровский - концертмейстер Московской консерватории, жена Александра Борисовича - Нина Фомина - пианист консерватории. Детей у них нет.

Алла Борисовна Покровская вышла замуж за известного киноартиста Олега Ефремова, впоследствии ставшего директором Московского художественного академического театра. У них вырос сын Михаил 1963 г. рождения, ставший также киноартистом. У Михаила Ефремова растут сыновья Николай и Никита.

Наконец, в семье Лидии Ивановны Некрасовой (Яковлевой) и А. Д. Некрасова воспитывался четвертый ребенок, *Дмитрий*, 1914 г. рождения. По

профессии он инженер-электрик, окончил факультет электрификации сельского хозяйства Московской сельскохозяйственной академии им. К. А. Тимирязева. Он умер в 1971 году, оставив жену Надежду Александровну (1916 - 1976) и детей Лидию и Алексея. В настоящее время живет только Лидия со своими дочерьми. Таково родословие Лидии Ивановны Некрасовой (Яковлевой), оставившей самое многочисленное потомство по сравнению с другими детьми И. Я. Яковлева.

Третьим ребенком в семье И. Я. Яковлева была **Наталья** (1880 - 1882), которой суждено было прожить всего два года. Ее мать, Е. А. Яковлева, упала с ней и повредила ей позвоночник. Наталью лечили в Казани, но безуспешно. После непродолжительного электролечения она умерла и была похоронена в Казани же, где жили ее бабушка, дедушка и другие родственники.

* * *

Второй сын И. Я. Яковлева **Николай** родился 12 (25) февраля 1883 года. Первоначальное образование четвертый ребенок Яковлевых получил дома, затем поступил сразу во II класс Симбирской гимназии. Окончив ее с золотой медалью, Н. И. Яковлев готовился к поступлению в технические учебные заведения Петербурга: технологический, горный институт, а также путей сообщения. Выдержав вступительные экзамены во все три вуза, он выбрал горный институт. В 1909 г. с отличием окончив этот институт, Н. И. Яковлев снова начал увлекаться музыкой, как и в гимназические годы, даже сочинял собственные музыкальные произведения.

Воспитание Николая в семье шло не по принципу природосообразности, как это часто бывает в семьях. Его врожденная предрасположенность к музыке первоначально не получила поддержки, а, наоборот, искусственно задерживалась, в чем признавался впоследствии его отец И. Я. Яковлев: «С детства у него проявилась склонность к изучению музыки. (Надо заметить, что и у меня в юности было стремление изучать музыку, настолько сильное,

что будучи в шестом классе Симбирской гимназии, я вознамерился брать уроки по фортепиано у одной учительницы, даже начал с ней занятия. Но последние пришлось бросить за отсутствием средств и инструмента). Признаться, мне не по душе были попытки Николая изучать музыку – так что я намеренно их придерживал, задерживая его музыкальное развитие. Тем не менее, сын мой, иногда скрытно от меня, работал в этом направлении. Так, он построил с помощью особого приспособления несколько предметов из домашнего обихода, изображая на этом своеобразном инструменте, несложные пьесы. Будучи в шестом классе Симбирской гимназии, на собственные свои средства он купил рояль, и до сих пор у нас в доме находящийся»¹. Очевидно, Николай имел одинаковые способности к музыке и к технике, как показывает развитие его творчества. Он любил не только наслаждаться звучанием музыки, но и интересовался техникой музыкального инструмента. Так постепенно он стал практиком и теоретиком музыки, а диапазон знаний его постоянно совершенствовался.

По словам И. Я. Яковлева, один из музыкантов просил Николая «заменить его при демонстрировании роялей на известной петербургской фабрике музыкальных инструментов Шредера. Кончилось это тем, что Шредер передал сыну года на четыре управление своим музыкальным магазином, дела которого были запутаны, а также и частью фабрики»².

Н. И. Яковлев изготовил для себя уменьшенный вариант рояли, но начавшаяся первая мировая война лишила его возможности организовать серийное производство этого инструмента. Военные заказы были на первом плане. «В 1916 - 17 годах, - вспоминал И. Я. Яковлев, - мой сын, Лабазин и Шмидт готовили для военного ведомства аэропланы в Петербурге. Им поручено было перебраться для продолжения этой работы в Симбирск.

¹ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 398

² Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 399.

Закуплено было и место для фабрики. Вообще затраты дошли до 40 тысяч. А при советской власти все предприятие рухнуло»¹.

После революции 1917 года Н. И. Яковлев значительно расширил свою творческую деятельность. Он окончил Ленинградскую консерваторию по классу композиции, работал профессором музыкально-акустической лаборатории лесотехнической академии им. С. М. Кирова (позднее институт) в качестве высококлассного технического специалиста. Его научные статьи печатали: «Журнал техническая физика», «Советская музыка», «Музыкальная самодеятельность» и т.д. Им было опубликовано множество работ, особенно в «Журнале техническая физика». Приведем некоторые названия из них: «Теория и практика возбуждения фортепианных струн» // «Журнал техническая физика». Т. 9. Вып. 4. 1939; «Уточненная теория разбивки ладов на грифах струнных щипковых инструментов» // Там же. Т. 10. Вып. 11. 1940; «О производстве детских музыкальных инструментов» // Советская музыка. 1934. № 12.

Однако он находил время и для продолжения занятий музыкальным творчеством, написал «Чувашский марш», музыкальную пьесу «Зеленый шум» и т.д. Николай Иванович стремился наладить производство детской рояли, названной им «Малютка». Ее усовершенствованный вариант им был изготовлен на фабрике «Красный Октябрь». Как сообщала нам Нана Александровна Глазковская, сестра жены Николая Ивановича, «Малютка» хорошо выдержала все испытания. Пока «Красный Октябрь» демонстрировал ее и готовился к серийному производству, началась Великая Отечественная война. И на этот раз Н. И. Яковлеву не удалось осуществить свой перспективный план. По словам Е. Н. Петровской, дочери Н. А. Бобровникова, во время войны он с женой эвакуировался на Кавказ, а сын (его жены) добровольцем ушел на фронт, оборонял Ленинград. Во время блокады родного города он умер. Н. И. Яковлев в то время не имел своих детей. Они умерли рано.

¹ Яковлев И. Я. Моя жизнь. М., 1997. С. 400.

На Кавказе он оказался в плену у немцев, а из Германии ему удалось добраться до Франции, где жила Наталия, дочь его родного брата А. И. Яковлева. Здесь он жил до 1949 г. Умер Н. И. Яковлев от рака желудка.

По данным французских источников, его похоронили на русском кладбище Сент Женеви́ев де Буа¹ недалеко от Парижа, где захоронено более 10000 русских.

В 1967 - 1968 гг. при создании музея И. Я. Яковлева в Чувашском государственном педагогическом институте имени И. Я. Яковлева мне приходилось встречаться со многими родственниками просветителя. Е. Н. Петровская, дочь Н. А. Бобровникова, рассказывала мне, что ее дочь Марианна до Великой Отечественной войны училась в Ленинграде и часто навещала Н. И. Яковлева. В его квартире она видела личные документы И.Я. Яковлева, его учебники, опубликованные труды, литературу о нем, альбомы с фотографиями зданий, фермы Симбирской чувашской школы. К сожалению, все это пропало бесследно. Очевидно, Н. И. Яковлев еще раньше своего брата Алексея задумал написать книгу о своем отце. Не случаен и тот факт, что он первым выявил автора фельетона «Яков Иваныч из чуваш», опубликованного в журнале «Дело» (1880, № 7) под псевдонимом «Плавский».

Результаты исследования Н. И. Яковлева подтвердили предположения В. Н. Назарьева о том, что фельетон был написан Н. А. Баратынским, старшим сыном А. И. Баратынского, получившим юридическое образование и работавшим редактором газеты «Оренбургский край».

В заключение следует отметить, что Н. И. Яковлев не успел опубликовать результаты исследования наследия своего отца. Ведь в его архивах хранилось множество уникальных документов И. Я. Яковлева и его ближайшего окружения.

¹ Ivan Grezine. Inventaire nominatif des Sepultures Russes du cimetire de St. – Genevieve des Bois. Paris? 1995. P. 456

В 1884 г. в семье И. Я. Яковлева родился третий его сын **Александр**. К сожалению, ему суждено было жить недолго. Он умер 16 февраля 1888 г. и был похоронен на Покровском кладбище в Симбирске.

Сам И. Я. Яковлев также хотел быть похороненным на этом же кладбище вместе с женой. Но судьба распорядилась иначе. Он и его жена Екатерина Алексеевна были похоронены на Ваганьковском кладбище в Москве. На его могиле поставлен большой мраморный крест розового цвета. Сюда приходят тысячи людей разных национальностей нашей страны, чтобы почтить светлую память просветителя народов востока России. Его обращение к родному народу - верьте в Россию, любите ее, и она станет вам матерью - и поныне имеет интернациональное значение.

Краснов, Н. Г. Потомки просветителя // Краснов, Н. Г. Иван Яковлев и его потомки / Н. Г. Краснов. – Чебоксары, 2007. – Гл. 8. - С. 385-415.